

Д.И. Петин

КОЛЛЕЖСКИЙ АСЕССОР М.А. БУТРИМОВИЧ: СУДЬБА АРМЕЙСКОГО ЧИНОВНИКА В ЗЕРКАЛЕ ВОЕННОЙ АНТРОПОЛОГИИ

На основе неопубликованных источников, выявленных автором в фондах Исторического архива Омской области, Архива УФСБ России по Брянской области, представлена биография кадрового военного чиновника, участника Гражданской войны в Сибири Михаила Александровича Бутримовича. Особое внимание в публикации уделено социальной мобильности героя статьи, а также попыткам его социальной адаптации к политическим катаклизмам военно-революционного периода 1917–1920 гг. и условиям советского общества.

Ключевые слова: военная антропология; военные чиновники; Русская императорская армия; Гражданская война; белое движение; РККА; советское общество; репрессии; лишенцы.

События Русской революции 1917 г. и Гражданской войны – одна из «традиционных» и наиболее популярных тематик в отечественных исторических исследованиях. В то же время антропологический поворот в исторической науке существенно укрепил в современной российской историографии тенденцию изучения прошлого сквозь призму личности человека. Причем сегодня специалистами уделяется внимание не только биографиям выдающихся деятелей, но и проблеме «маленького человека». Такой подход («взгляд изнутри») позволяет обозревать масштабную проблему Гражданской войны с самых разных ракурсов [1. С. 136; 2. С. 243–246, 248]. Здесь важен и иной аспект: как подчеркивает авторитетный историк В.И. Шишкин, условия государственно-политические и общественных катаклизмов на рубеже 1910–1920-х гг. резко обнажили вопрос социальной адаптации [3], что особо коснулось людей прямо или косвенно связанных с военной сферой.

Стоит учесть, что функционирование военной системы государства (как составной части социума) замыкается на деятельности слагающих ее многочисленных групп индивидов. В этом отношении судьба человека может выступать «зеркалом» эпохи, ее мерилом и свидетельством. Обращая на себя внимание разных специалистов гуманитарного профиля, многогранное «человеческое измерение» армейской и военной действительности оформилось за текущее десятилетие в военную антропологию – самостоятельное, актуальное, междисциплинарное научное направление. Уже в рамках него получает развитие такая частная научная область, как военно-историческая антропология (см., например: [4–13]).

Военно-революционный период 1914–1922 гг. стал переломным для российского офицерства (см. подробнее: [14, 15]). Биографии российских офицеров – от прапорщиков до генералов – стали предметом значительного количества научных исследований. Однако в этом отношении должного интереса специалистов не получили судьбы военных чиновников [16. С. 49]. В Русской императорской армии и антибольшевистских вооруженных формированиях периода Гражданской войны военными чиновниками (именовались зачастую как «классные чины Военного ведомства») были лица, занимавшие большинство административных должностей по обслуживанию и

обеспечению войск; деятельность их по своему характеру не отличалась от деятельности чинов гражданских ведомств, в связи с чем они не являлись офицерами, а получали общегражданское чиновничество по Табели о рангах [17. С. 311–321]. Однако в условиях дореволюционной военной повседневности армейские чиновники составляли вместе с офицерством один социальный слой, имея в рамках корпоративной культуры схожую ментальность и социальный портрет. После Революции 1917 г. в нарождавшемся в период Гражданской войны советском обществе офицеры, военные чиновники и юнкеры отчасти продолжали сохранять единую общность, «потенциальную к контрреволюционным действиям», и обозначавшуюся социальным маркером «бывший (белый) офицер» [16. С. 47–48; 18. С. 120; 19. С. 126].

Цель исследования – изучение в военно-антропологическом видении вопроса социальной адаптации бывших военных чиновников к условиям государственно-политических катаклизмов первой трети XX в. на примере биографии кадрового военного чиновника, коллежского асессора Михаила Александровича Бутримовича. На его жизненный и профессиональный путь выпала последовательная служба в Русской императорской, Красной (трижды) и белой армиях, советских учреждениях, политические преследования белых и красных властей. На фоне событий эпохи неоднозначная судьба «маленького человека», ставшего героем данного повествования, выглядит, на наш взгляд, во многом показательной, отражая политические и социальные коллизии времени. Значительная часть жизни и служебной деятельности М.А. Бутримовича была связана с армией. При этом события Гражданской войны и их последствия ставили перед героем статьи политический и социальный выбор. Это тесно сопряжено с эволюцией понятия «свой-чужой» и формированием образа врага в военных условиях, что является одним из основных направлений и ключевых проблем военной антропологии. Данный тезис подчеркивает авторитетный специалист в этой научной области Е.С. Сенявская [11, 12].

Основу для подготовки работы составили неопубликованные источники личного происхождения из фондов Исторического архива Омской области. Это биографические документы (анкета 1923 г., трудовой список 1927 г.), а также материалы делопроизводства

(протоколы, справки, переписка 1920-х гг.) о пребывании героя статьи на военном и особом учете ВЧК–ОГПУ, лишении и восстановлении его в избирательных правах. Трудовой список является наиболее важным и информативным среди всех выявленных источников, в его основу положен дореволюционный послужной список М.А. Бутримовича. Благодаря этому мы можем в подробностях судить о значительной части его личностного и профессионального становления и жизненного пути. Важным дополнением стали материалы архивного уголовного дела в отношении героя статьи из фондов архива УФСБ России по Брянской области.

Михаил Александрович Бутримович родился в Вильно (ныне Вильнюс, Латвия) 7/19 ноября 1880 г. в семье военного чиновника. По национальной принадлежности относил себя к русским. Юноша, окончив в Вильно 7 классов реального училища, получил среднее образование, ориентированное на естественно-научную и техническую сферы [20. Л. 1 об.; 21. Л. 130]. Вполне вероятно, что данное обстоятельство, а также служебная деятельность отца оказали влияние на выбор молодым человеком будущей профессии армейского чиновника. Но здесь важно понимать, что в дореволюционном российском обществе армия выступала важнейшим институтом вертикальной мобильности – эту мысль подчеркивает военный историк Д.Г. Симонов [22. С. 104]. Статус военного чиновника давал ему и его семье определенные гарантии социальной стабильности и возможность обретения достойного положения в обществе.

Михаил Бутримович 7/19 ноября 1896 г. поступил на действительную военную службу. Имея для того достойный образовательный ценз, он был зачислен в пиротехническую артиллерийскую школу учеником рядового звания. Это военно-учебное заведение, располагавшееся в Санкт-Петербурге, готовило обер-фейерверкеров – унтер-офицерский состав артиллерии командного и технического профиля. Важно отметить, что выбранный род войск, требовавший высокого уровня знаний, указывал на интеллектуальные способности новобранца. Воспитанники школы, наряду с предметами общеобразовательного профиля (Закон Божий, русский язык, алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, химия, черчение и рисование), изучали артиллерийское и фортификационное дело, пороходелие и другие специальные дисциплины [23. С. 233]. По окончании полного трехлетнего курса военной школы 19-летний Михаил Бутримович 15/28 июня 1900 г. был выпущен обер-фейерверкером 2-го разряда с назначением в Свеаборгскую крепостную артиллерию (ныне район Хельсинки, Финляндия) в 1-й артиллерийский парк [20. Л. 2 об.; 21. Л. 130 об.].

При должном прохождении службы по своему ведомству обер-фейерверкеры могли производиться на вакансию в классные (гражданские) чины до коллежского асессора, включительно (VIII класс по Табели о рангах, соответствовало армейскому капитану), становясь главными помощниками артиллерийских офицеров в деле заведования артиллерийскими лабораториями, складами огнестрельных припасов и т.п. [23. С. 233]. Михаила Бутримовича 19 мая 1904 г. переве-

ли служить на Читинский артиллерийский склад классным обер-фейерверкером. С востоком России оказались связаны последующие 20 лет его жизни и службы. В Сибири вскоре он состоялся как кадровый военный чиновник, будучи произведен в первый гражданский чин коллежского регистратора. С 29 июня 1907 г. наш герой получил назначение в Иркутский артиллерийский магазин на должность хранителя огнестрельных припасов. С 30 декабря 1910 г. (с переименованием Иркутского артиллерийского магазина в Иркутский артиллерийский склад) и вплоть до революционных событий 1917 г. Михаил Александрович исполнял ряд должностей, являясь помощником начальника отдела огнестрельных боеприпасов (периодически замещая и вышестоящую должность), заведующим лабораторией и мастерской. В целом дореволюционную службу военного чиновника Бутримовича вполне можно назвать образцовой. К началу Первой мировой войны он состоял в чине титулярного советника (IX класс по Табелю о рангах, что соответствовало армейскому штабс-капитану). Занимаемая им (по армейским меркам «тихая») должность гарантировала стабильное служебное положение, «предохраняя» от попадания на фронт. Приказом по Военному ведомству 27 июля 1917 г. 36-летний Михаил Бутримович, уже опытный специалист, посвятивший армии 20 лет, был произведен в коллежские асессоры [20. Л. 2 об.; 21. Л. 130 об.; 24. Д. 3. Л. 76 об., Д. 4. Л. 28 об.]. Исходя из образовательного ценза и специфики тыловой службы, данный рубеж являлся для героя статьи своего рода максимальной карьерной планкой.

Политические события 1917 г. и последовавшая «демократизация армии» внесли значительные перемены в ряд аспектов армейской повседневности. Установление советской власти затронуло механизм назначения командиров: возник «революционный» принцип этой процедуры – выборность. Основой тому стали совместные декреты ВЦИК и СНК РСФСР «О выборном начале и организации власти в армии» и «Об уравнивании в правах всех военнослужащих», принятые 16/29 декабря 1917 г. [25. С. 242–245]. В соответствии с этим «новшеством революции» «по инерции» оставшийся на привычной службе военный чиновник Бутримович 21 декабря 1917 г. (3 января 1918 г.) общим собранием служащих Иркутского артиллерийского склада был избран начальником отдела огнестрельных припасов, что было утверждено постановлением Иркутского военно-окружного комитета и приказом по Иркутскому военному округу [20. Л. 2 об.; 21. Л. 130 об.]. Выборное назначение с повышением в должности свидетельствует о том, что Михаил Александрович обладал авторитетом и доверием в среде сослуживцев, воспринимаясь в то же время и как командир, политически лояльный к новой власти. Он получил тогда и «дополнительные» общественные посты, став членом и председателем военного комитета Иркутского артиллерийского склада и войдя в состав делегации своего учреждения, направленной в Иркутский объединенный совет военных и рабочих депутатов [21. Л. 131].

Военно-политическая ситуация на востоке России резко обострилась с лета 1918 г. Восстание Чехосло-

вацкого легиона повлекло за собой начало активных боевых действий Гражданской войны. Стремительное продвижение белочешских отрядов по Транссибу, отсутствие какой-либо помощи из европейской России привели к экстренной эвакуации большевистских сил из ряда городов Сибири. Эти события отразились и на жизни нашего героя. Так, согласно распоряжению Иркутского артиллерийского военно-окружного управления ввиду наступления антибольшевистских войск начальник отдела огнестрельных припасов Иркутского артиллерийского склада М.А. Бутримович в составе своего учреждения 5 июля 1918 г. был эвакуирован в Читу, где советская власть продержалась еще порядка полутора месяцев. С установлением в городе власти белых нашего героя 3 сентября 1918 г. отчислили от занимаемой должности, направив в распоряжение Иркутского уездного воинского начальника. Вместе с тем за свою службу на благо большевикам Михаил Бутримович был отдан под следствие, продлившееся до 10 декабря 1918 г. [20. Л. 3 об.; 21. Л. 131]. Здесь отметим, что в 1918–1919 гг. была достаточно распространена практика преследования антибольшевистскими властями бывших представителей кадрового административно-командного состава за их службу большевикам [26. С. 141].

Белая Сибирская армия в тот период ощущала острый кадровый голод. И, вероятно, следственная комиссия не установила значительной вины служившего красным коллежского асессора Бутримовича либо же он был амнистирован «обстоятельствами времени» – по документам это установить не удалось. В итоге Михаил Александрович из глубокого тыла, как состоящий в распоряжении штаба Сибирской армии, был направлен в Тюмень, в штаб войск Уральской группы. Здесь военного чиновника Бутримовича 23 декабря 1918 г. по распоряжению инспектора артиллерии Уральской группы прикомандировали к складу передового артиллерийского запаса 6-го Уральского корпуса и направили в Златоуст. С 20 марта 1919 г. по расформировании названного склада нашего героя перевели служить в подвижную артиллерийскую мастерскую на должность завхоза [20. Л. 3 об.; 21. Л. 131].

Уральский регион в течение всей первой половины 1919 г. был плацдармом, где велись активные и кровопролитные сражения, исход которых был ознаменован тяжелым поражением и отступлением антибольшевистских сил под ударами частей РККА (см. об этом, например: [27. С. 245–253; 28. С. 150–170; 29]). С уходящей на восток армией коллежский асессор Бутримович в начале декабря 1919 г. оказался в Новониколаевске (с 1926 г. Новосибирск), где из-за заторов на Транссибе скопилось большое число войск белой армии с артиллерийским и инженерным имуществом [30; 31. С. 79]. Видимо, осознав бессмысленность для себя дальнейшей службы на стороне колчаковских сил, наш герой решил не идти дальше. Он остался в городе и 14 декабря 1919 г. в составе подвижной артиллерийской мастерской сдался в плен РККА, явившись к военному коменданту города. О своей службе в рядах старой и белой армий коллежский асессор Бутримович емко подытоживал в

1923 г. в анкете: «В боях участия не принимал, наград не имел» [21. Л. 131]. Утверждение это выглядит лукавым, но наиболее «оптимальным» для социальной интеграции «бывшего человека» в советской России. Во-первых, его стабильная непорочная дореволюционная служба подразумевала награждение какими-либо наградами или нагрудными знаками (как минимум за выслугу лет); во-вторых, его бытность у белых в 1919 г. так или иначе предполагала нахождение в прифронтовой полосе. Забегая вперед, отметим, что такая «стандартная» и «нейтральная» фраза, очевидно, была «маскировкой» нашего героя в целях обеспечения «политической безопасности» ему и его семье.

Но возникшая острая ситуация в судьбе Михаила Бутримовича скоротечно разрешилась, как и годом ранее. Для РККА и советских учреждений обладавшие образовательным цензом и служебным опытом военные чиновники, наряду с офицерами, являлись стратегическим человеческим ресурсом. Очевидно, что кадровый дефицит административного состава в РККА обусловил повторную службу героя статьи на стороне советской власти. С 7 января 1920 г. М.А. Бутримович, 40-летний опытный специалист-практик, поступил в распоряжение отдела снабжения 151-й бригады 51-й стрелковой дивизии РККА, получив непометное назначение на должность делопроизводителя по инженерно-артиллерийской части. С 16 апреля 1920 г. Михаила Александровича прикомандировали к управлению названной дивизии, откуда 13 мая 1920 г. передали в распоряжение штаба Омского военного округа с оставлением в штабном резерве и прикомандированием к Омскому губернскому военкомату [20. Л. 4 об.; 21. Л. 130 об.–131]. Такое перемещение объяснимо особой ценностью «старых» технических специалистов для РККА. Профессиональные навыки в данном случае становились неким гарантом успешной социальной адаптации к новым условиям.

В то же время для органов ВЧК офицеры и военные чиновники, как некогда привилегированные представители дореволюционного общества (подробнее об этом: [34]), являлись «политически неблагонадежными элементами», требуя бдительного отношения. В период Гражданской войны была выработана система их особого учета – как упредительная контрольная мера со стороны чекистов [18]. С тех лет работа советских спецслужб с бывшими белогвардейцами оформилась как самостоятельное эволюционирующее направление деятельности [32. С. 126–146, 220–221; 33. С. 70–71].

Примечательно, что коллежский асессор белой армии Бутримович на рубеже 1919–1920 гг. не подвергся сразу же каким-либо проверочным мероприятиям со стороны органов ВЧК (в отличие от основной массы плененных белогвардейцев). Ожидая нового назначения, как бывший белый военный чиновник, Михаил Бутримович прошел фильтрацию лишь весной 1920 г. через политические комиссии при Омском губернском военкомате и штабе Западно-Сибирского военного округа [21. Л. 130 об.]. В те годы в Омске действовала Высшая военная школа Сибири (ВВШС),

готовившая командные кадры для РККА. В числе преподавательского состава школы было немало известных военспецов, представителей военной и гражданской интеллектуальной элиты, перешедших с поражением белой армии на сторону советской власти – генералы В.И. Кедрин (1866–[после 1931]), Н.Н. Артамонов (1872–1937), Н.Е. Вараксин (1862–1937), полковник П.П. Гольшев (1869–1934) и др. [35. С. 141; 36. С. 287; 37. С. 37].

Наш герой 11 сентября 1920 г. был назначен в образованный учебный отряд ВВШС, где последовательно занимал должности делопроизводителя строевой части, техника батареи, помощника начальника штаба. Ввиду расформирования отряда 31 декабря 1921 г. Михаил Александрович стал членом ликвидационной комиссии; по окончании ее работ с 15 января 1922 г. и до упразднения ВВШС в январе 1923 г. Бутримович служил старшим делопроизводителем, затем начальником строевой канцелярии ВВШС [20. Л. 4 об.; 21. Л. 130 об.–131; 38. Л. 21 об.]. Стоит сказать, что в 1921–1922 гг. в связи с сокращением РККА последовало массовое увольнение бывших офицеров и военных чиновников [39. С. 18]. Примечательно, что в этот момент в отношении Бутримовича его руководством было возбуждено ходатайство, позволившее Михаилу Александровичу еще порядка года служить в РККА. В апреле 1923 г. с ликвидацией ВВШС Бутримович был уволен из рядов РККА с зачислением в запас командного состава средней группы 5-й категории (командир роты и ему соответствующие) по Омскому уездному военкомату [19. Л. 1 об.].

Как и многие другие бывшие белогвардейцы, уволенные из РККА, наш герой продолжил встраивание в советский социум теперь уже как штатский специалист. Гражданскую службу Бутримович начал в достаточно престижном советском учреждении, поступив 27 апреля 1923 г. делопроизводителем в Омский губернский (с 1925 г. – окружной) финансовый отдел. С 3 ноября 1926 г. Михаил Александрович в названной структуре заведовал канцелярией 1-го финансового участка [20. Л. 5 об.]. Вместе с М.А. Бутримовичем в те годы в финотделе служили еще 9 бывших офицеров и 6 бывших военных чиновников (что составляло 9% от общего числа служащих учреждения) (подсчет авт. по: [40. Л. 331–344]). В числе выдающихся работников учреждения в те годы был упомянутый Н.Н. Артамонов – военный финансист армии Колчака, сослуживец нашего героя по ВВШС [36. С. 288–289].

Оставаясь беспартийным и, по всей видимости, аполитичным человеком, Михаил Бутримович вступил лишь в профсоюз советских торговых служащих, политической и общественной активности более не проявлял. О своих воззрениях он лаконично, осторожно и весьма тенденциозно высказывался: «[испытываю] сочувственное [отношение] к настоящему строю» [20. Л. 1 об.; 21. Л. 130–131 об.]. Видимо, здесь мог сказаться опыт преследования 1918 г., фильтрации 1920 г.: Михаил Александрович выбрал для себя «тактику молчания и невмешательства».

В числе сотен других представителей бывших военнослужащих, относившихся к командно-адми-

нистративному составу белых армий, коллежский ассессор Бутримович с 1920 г. состоял на особом учете в органах ВЧК–ОГПУ по месту своей службы, а затем проживания. Через Омский губернский военкомат 12 января 1924 г. было возбуждено ходатайство о снятии нашего героя с особого учета. Прошение было удовлетворено; с 1 января 1925 г. бывший военный чиновник был оставлен лишь на учете в Омском окружном военкомате [41. Л. 7 об., 63; 42. Л. 125 об.; 43. Л. 2 об.; 44. Л. 2 об.; 45. Д. 1. Т. 1. Л. 208, Д. 2. Л. 42].

Обрести новую прочную служебную основу, продемонстрировав и доказав новой власти и обществу свою политическую благонадежность, для Михаила Александровича было важно, прежде всего, поскольку на 1923 г. он был главой большой семьи. С супругой Марией Петровной (42 лет, домохозяйка) они воспитывали сыновей Валентина (14 лет) и Леонида (12 лет), дочь Тамару (9 лет), учившихся в школе. С другими своими близкими родственниками – отцом (отставным военным чиновником) и братом (служащим телеграфа) наш герой, по его утверждению, утратил связь еще в 1918 г. [20. Л. 130].

Конец 1920-х гг. был ознаменован началом масштабных чисток советских учреждений [46. С. 177]. Точных сведений нам выявить не удалось, но в случае с произошедшим 13 февраля 1928 г. уходом Бутримовича из Омского окружного финансового отдела негативную роль вполне могло сыграть «белогвардейское прошлое». Официально он был «уволен по сокращению и рационализации аппарата» [20. Л. 5 об.]. Но есть данные о том, что летом 1927 г. Омский окружной отдел ОГПУ запрашивал количественные и качественные данные о сотрудниках финотдела [40. Л. 330]. Мы допускаем, что в рамках этих действий могла актуализироваться некая «политически нежелательная» информация о герое статьи.

Увольнению Бутримовича из советского учреждения предшествовал иной неприятный инцидент в его биографии. Во второй половине 1920-х гг. значительная часть проживавших в СССР бывших офицеров и военных были лишены избирательных прав. Причем недавняя служба этих людей в РККА и советских учреждениях в ряде случаев абсолютно не бралась расчет (см. подробнее: [47]). Эта процедура оставила после себя богатое документальное наследие [16. С. 53; 48]. В то же время удалось найти краткие сведения о том, что герой статьи, как бывший коллежский ассессор белой армии, попал (относительно ненадолго) в категорию лишенцев. Тем не менее в мае 1927 г. Омским городским советом он был восстановлен в избирательных правах [49. Л. 6].

По всей видимости, эти обстоятельства привели к тому, что М.А. Бутримович, как представитель категории «бывших людей», имевший в воззрениях нового социума очевидный «антисоветский след», в течение двух лет не мог найти постоянную трудовую занятость. С апреля 1928 г. по март 1930 г. он состоял на временных работах служащим в Омском государственном складе «Кавминэкспорта», Омском городском комитете хозяйства, складе Омского домового треста, Омском окружном кредитном союзе сельскохозяйственной и кредитной кооперации [19. Л. 6 об.].

Еще в 1925 г. старший сын героя статьи, поступая на советскую службу, предусмотрительно указывал в автобиографии о том, что его родители являются служащими. Об отце Валентин Бутримович лаконично и многозначительно написал «пиротехник», не сообщив ничего о военной службе отца [50. Л. 12].

О жизни героя статьи в начале 1930-х гг. удалось выявить не так много сведений. Несмотря на жизненные неурядицы, вызванные политическими коллизиями, Михаил Александрович в 1933 г. смог вернуться к военному делу, став пиротехником на военно-разрядной базе № 2, дислоцированной в городе Карачеве Западной области (ныне территория Брянской области) [51. Л. 4]. Определить точно служебный статус М.А. Бутримовича в этот период не удалось, но, по всей видимости (исходя, прежде всего, из возраста), он мог являться вольнонаемным служащим РККА. Но профессиональный статус, функциональные обязанности и тип военного учреждения (стационарная база, тыловой артиллерийский орган) во многом соответствовали условиям службы нашего героя в начальный этап его военной карьеры с момента переезда в Сибирь в 1904 г.

Рубеж 1920–1930-х гг. в СССР был ознаменован резким ужесточением политической и общественной жизни, активизацией репрессивной политики, одним из «направлений» которой являлись бывшие офицеры и военные чиновники, служившие в РККА или ставшие гражданскими специалистами. В европейской России самым масштабным стало сфабрикованное ОГПУ дело «Весна» 1930–1931 гг. (см. об этом: [52–54]).

В жернова советской карательной системы попал тогда и Михаил Бутримович. Он был арестован 9 февраля 1933 г. сотрудниками ОГПУ. Вероятной причиной тому мог быть донос или чьи-либо ложные показания. В статусе подозреваемого Михаил Александрович провел порядка полугода. Следствие, как подчеркивалось в обвинительном заключении от 13 июля 1933 г., инкриминировало задержанному то, что он, «будучи классово-чуждым, недоволен существующим строем, <...> являлся одним из инициаторов создания антисоветской группировки среди работников военно-разрядной базы. Устраивал, как у себя на квартире, так и [у] других участников группировки, попойки, где вели явно антисоветские, контрреволюционные, повстанческого характера суждения, высказывался за организацию восстания против сов[етской] власти. Являясь пиротехником базы, специально производил работы по выжиганию и подрыву снарядов так, что были неоднократно взрывы штабелей снарядов, что угрожало взрывом всей базе и воен[ному] складу № 28, каковые преступные деяния предусмотрены п.унктами] 10 и 11 ст.[атьи] 58 УК [РСФСР]» [51. Л. 187]. Таким образом, в «видении» правосудия тех лет М.А. Бутримович «классифицировался» как типичный антисоветский агитатор и организатор контрреволюционных преступлений [55. С. 28]. Причем предъявленное обвинение, судя по фабуле, имело связь с «антисоветским прошлым» героя статьи; оно было «характерным» для бывших белогвардейцев, массово репрессированных в те годы в СССР.

Постановлением судебной тройки полномочного представительства ОГПУ по Западной области от 8 августа 1933 г. Михаил Александрович Бутримович был признан виновным в совершении инкриминируемых ему преступлений и «заключен в конц[ентрационный] лагерь сроком на три года, считая срок с 9 февраля 1933 г.» [51. Л. 189]. К сожалению, о дальнейшей судьбе героя статьи возможно говорить, вероятно, лишь в контексте предположений, поскольку проследить его жизненный финал не представилось возможным.

В рамках реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» на основании заключения Прокуратуры Брянской области от 18 августа 1989 г. Михаил Александрович Бутримович был полностью реабилитирован за отсутствием состава преступления [51. Л. 190–191].

В наши дни изучение, репрезентация и преподавание российской истории (в том числе ее «проблемных», «болевых» аспектов) отчасти продолжают носить политизированный характер [56. С. 78; 57. С. 13]; из-за этого интерпретация событий, явлений может быть зависима от субъективных взглядов исследователя. В связи с этим, по нашему мнению, оценка военнореволюционного периода 1917–1920 гг. и последовавших в нашей стране событий должна иметь некое взвешенное и отстраненное от политических пристрастий видение. Примером тому может послужить именно «личностное» измерение истории, в том числе относительно человека на войне или в армейской системе, — на что и нацеливает нас военная антропология.

Судьба героя повествования во многом показательна. Во-первых, кадровый армейский служащий М.А. Бутримович в крайне нестабильный для российского государства и общества период предпринял активные шаги, направленные на социальную адаптацию к постоянно, подчас кардинально меняющимся агрессивным условиям. Жизнь Михаила Александровича, его профессиональное складывание и карьеру до 1917 г. («традиционные» по дореволюционным меркам) можно назвать наиболее успешными с точки зрения самореализации. Революционные события в стране хронологически совпали с пиком его карьеры по линии Военного ведомства. Первое десятилетие после Гражданской войны для Михаила Бутримовича также было относительно стабильным: он, будучи человеком зрелого возраста и состоявшейся личностью, проявил высокую социальную мобильность, сменив ряд профессий от узкоспециализированного военного специалиста до гражданского финансового и канцелярского служащего, выйдя из категории лишенцев, благодаря чему вновь связал себя с армией. Однако смена политического курса, последовавшие репрессии 1930-х гг. ознаменовали для М.А. Бутримовича мрачные перспективы на будущее.

Во-вторых, вызывает интерес динамика поведения и психологии М.А. Бутримовича. В апогей своего профессионального пути, он — состоявшийся зрелый человек, глава семьи — проявил наибольшую политическую и общественную активность (что опять же

говорит о высокой социальной мобильности). Однако впоследствии, судя по поведению, стремился скорее к «пассивному большинству». Ища себя в чуждом советском социуме, вместе с тем оберегая себя и близких, Михаил Александрович, подобно тысячам других «исполняющих приказ» бывших офицеров и чиновников армии (формировавших единую категорию общества как до 1917 г., так и после), продолжал честно служить на благо власти, существовавшей там, где он находился на текущий момент. Но без таких людей строительство любого нового режима и формирование его общества было бы невозможным. Тактика адаптации офицеров и военных чиновников в советской России, как и всех «бывших людей», была во многом типична и схожа, логично тяготея к поиску прежнего рода службы на благо нового режима.

В-третьих, судьба героя статьи – не только тернистый жизненный путь. Она, прежде всего, иллюстрирует характер эпохи, наглядно демонстрируя последствия вызванных военными условиями социально-политических катаклизмов, оказавших влияние на военнослужащих и не только. Причем через индукцию антропологическое видение исторических процессов, открывающееся сквозь биографическую призму, подразумевает выход на более глобальные проблемы, нацеливая в том числе на осмысление истории ментальности, а также военной и политической повседневности первой трети XX в.

Автор благодарит УФСБ России по Брянской области и лично А.И. Азудова за помощь при сборе материалов для подготовки данной статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Скипина И.В. Человек в условиях Гражданской войны на Урале: историография проблемы. Тюмень : ТюмГУ, 2003. 208 с.
2. Цветков В.Ж. Основные тенденции и перспективы изучения Белого движения // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / отв. ред. Д.Б. Павлов. М. ; СПб : Центр гуманит. инициатив, 2018. С. 239–262.
3. Шишкин В.И. Проблемы социальной адаптации населения России: историографические итоги и перспективы изучения // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 4. С. 69–73.
4. Анфертьев И.А. Новые направления в современной отечественной историографии. Военно-историческая антропология: теоретические и междисциплинарные проблемы новой отрасли исторической науки // Теория и методология гуманитарного знания. Россияведение. Общественные функции гуманитарных наук : сб. материалов конф. «Гуманитарные чтения РГГУ – 2010» (Москва, 26 марта – 1 апреля 2010 г.). М. : РГГУ, 2011. С. 319–328.
5. Бажуков В.И. Военная антропология: объект, предмет, направления, методология // Вестник военного университета. 2008. № 3. С. 37–45.
6. Бажуков В.И. Философские проблемы военной антропологии // Вестник московского университета. Серия 7: Философия. 2009. № 2. С. 84–94.
7. Газиева Л.Л. Некоторые методологические проблемы военно-исторической антропологии // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 6. С. 118–124.
8. Гладышев А.Н. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. № 59. С. 136–150.
9. Кожевин В.Л. Войны России XX столетия в историко-антропологическом измерении // Вестник Омского университета. 2010. № 2. С. 9–13.
10. Разиньков М.Е. Белые, красные, интервенты: психология вооруженного противостояния: военно-историческая антропология. Saarbrücken : Lap Lambert, 2012. 187 с.
11. Сенявская Е.С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // Вестник Мининского университета. 2016. № 1–2. С. 14–25.
12. Сенявская Е.С. Человек на войне, или тернистый путь от военной истории к военной антропологии // Исторический вестник. 2018. Т. 24. С. 10–43.
13. Чуракова О.В. Ресурсы военно-исторической антропологии и исследовательский дискурс истории эмоций // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. Т. 10, № 2. С. 134–138.
14. Кожевин В.Л. Российское офицерство и февральский революционный взрыв. Омск : ОмГУ, 2011. 260 с.
15. Ганин А.В. Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М. : Центрполиграф, 2019. 320 с.
16. Алексеева О.А., Журавлев Е.Н., Сушко А.В. Рецензия: «“Белые офицеры – красная власть”: именной указатель к фондам Исторического архива Омской области (конец 1919 г. – 1920-е гг.)». Омск: Амфора, 2017 // Северные Архивы и Экспедиции. 2018. Т. 2, № 3. С. 44–55.
17. Волков С.В. Русский офицерский корпус. 2-е изд. М. : Центрполиграф, 2003. 414 с.
18. Абиякин Р.М. Бывшие белые офицеры в РККА в 1920-е годы // Российская история. 2013. № 4. С. 116–128.
19. Петин Д.И., Коновалова Н.А. Бывшие белые офицеры в зеркале массовых документов первых лет советской власти // Гражданская война на востоке России : объективный взгляд сквозь документальное наследие: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 12–13 ноября 2014 г.). Омск : Амфора, 2015. С. 125–131.
20. Исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. Р–78. Оп. 2. Д. 39.
21. ГИАОО. Ф. Р–217. Оп. 3. Д. 30.
22. Симонов Д.Г. Социальная мобильность офицерского корпуса Русской армии во время Первой мировой войны // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2015. № 3. С. 103–117.
23. Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания. Т. 14. СПб. : Тип. Товарищества «Просвещение», 1904. 794 с.
24. ГИАОО. Ф. Р–1376. Оп. 1.
25. Декреты Советской власти. Том I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1957. 625 с.
26. Стельмак М.М. К вопросу о репрессивном характере внутренней политики Российского правительства А.В. Колчака // Актуальные проблемы изучения истории гражданской войны в России : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию начала Гражданской войны и 100-летию гос. архивной службы России (Омск, 15 ноября 2019 г.). Омск : ОмЮА, 2019. С. 134–146.
27. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2. 2-е изд., уточн. М. : Политиздат, 1990. 431 с.
28. Ларьков Н.С. Сибирский белый генерал. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2017. 312 с.
29. Симонов Д.Г. Восточный фронт армий адмирала А.В. Колчака (июнь–ноябрь 1919 г.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 4. С. 45–52.
30. На красных фронтах. Восточный фронт // Советская Сибирь (Омск). 1919. 17 декабря. С. 1.
31. Петин Д.И. Эвакуация из Омска (1919 г.) : мемуарные записки служащего Красного Креста Н.Н. Волкова // Северные Архивы и Экспедиции. 2019. Т. 3, № 4. С. 63–84.
32. Василевский В.П., Сушко А.В. «Стражи революции»: органы ГПУ–ОГПУ в Омском Прииртышье. Омск : ОмГТУ, 2017. 280 с.

33. Сушко А.В. От «революционной законности» к «революционной целесообразности»: эволюция взаимоотношений органов ГПУ – ОГПУ и прокуратуры в годы новой экономической политики (на примере Омского Прииртышья) // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 1. С. 70–81.
34. Смирнова Т.М. «Бывшие люди» Советской России. Стратегии выживания и пути интеграции. 1917–1936 годы. М. : Мир истории, 2003. 247 с.
35. Жукова Н.С., Петин Д.И. Военный инженер и педагог генерал-майор Н.Е. Вараксин (1862–1937) – современник трагического века // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2018. № 4. С. 137–145.
36. Петин Д.И., Каминский В.В. Генерал-майор Генштаба Н.Н. Артамонов (1872–1937) : биография сквозь призму новых источников // Вестник архивиста. 2017. № 3. С. 275–300.
37. Петин Д.И. Военный инженер и педагог полковник Павел Павлович Голышев: аспекты биографии и служебной деятельности // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 65. С. 35–41.
38. ГИАОО. Ф. Р-217. Оп. 1. Д. 36.
39. Абиякин Р.М. Изменение численности бывших офицеров среди начальствующего состава РККА в 1920-е годы // Военно-исторический журнал. 2015. № 5. С. 18–21.
40. ГИАОО. Ф. Р-1337. Оп. 4. Д. 1.
41. ГИАОО. Ф. Р-270. Оп. 2. Д. 16.
42. ГИАОО. Ф. Р-361. Оп. 1. Д. 392.
43. ГИАОО. Ф. Р-950. Оп. 2. Д. 6.
44. ГИАОО. Ф. Р-1396. Оп. 3. Д. 2.
45. ГИАОО. Ф. Р-1519. Оп. 1.
46. Котов А.С. Социальный состав советской интеллигенции в 1920-е гг. (на примере Череповецкой губернии и Череповецкого округа) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 6. С. 176–180.
47. Килин А.П. Автобиография как средство реабилитации (на материалах личных дел «лишенцев») // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 267–288.
48. Саламатова М.С. «Лучше бы расстреляли меня сразу...»: судьбы офицеров белых армий в Сибирском крае (1921–1929 гг.) // Тюменский исторический сборник. 2015. № XVII. С. 214–228.
49. ГИАОО. Ф. Р-235. Оп. 7. Д. 5.
50. ГИАОО. Ф. Р-257. Оп. 2. Д. 33.
51. Архив Управления ФСБ России по Брянской области. Ф. 7. Д. П-13408.
52. Тинченко Я. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 годы. М. : Моск. общественный научный фонд, 2000. 496 с.
53. Ганин А.В. Архивно-следственное дело военного ученого А.А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 260–272.
54. Ганин А.В. Архивно-следственное дело военного ученого А.А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 3. С. 261–291.
55. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 423 с.
56. Сушко А.В. К вопросу о негативном влиянии современных организационно-педагогических условий на преподавание истории России (размышления к Первому Всероссийскому съезду преподавателей истории в вузах России) // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 76–81.
57. Кантор Ю.З. «Историю невозможно переписать, ее можно дописать...» // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность. 2019. Т. 4, № 1. С. 9–15.

Статья представлена научной редакцией «История» 1 августа 2021 г.

College Assessor Mikhail Butrimovich: The Fate of the Army Official in the Mirror of Military Anthropology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 469, 166–174.

DOI: 10.17223/15617793/469/22

Dmitriy I. Petin, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: dimario86@rambler.ru

Keywords: military anthropology; military officials; Russian Imperial Army; Civil War; White Movement; Red Army; Soviet society; repression; lishentsy.

Modern Russian science pays considerable attention to the study of the Revolution and the Civil War, as well as the life of the Army in that period, from the standpoint of personal social history and military anthropology. Researchers today are increasingly turning to the problem of the “little man” – an ordinary participant in those events. The aim of this publication is to reconstruct the biography of Mikhail Aleksandrovich Butrimovich (1880– [1933]), which is indicative of the period, in a problematic vision at the intersection of military history and military anthropology. The reconstruction is based on historical sources the author of the article identified. The analysis of Butrimovich’s fate reveals the situation of “former people” in the RSFSR–USSR. Such people included representatives of the command and administrative staff of the Old and White Armies. To achieve the aim of the study, it is necessary to solve the following problems: (1) to describe the tactics and methods of social adaptation of former military officials as part of the Army to the cataclysms in the Russian state and society in the period from 1917 till the 1930s; (2) to assess Butrimovich’s behavior in this period; (3) to determine the scientific aspects that an anthropological study of the situation of former army officers and officers during the Civil War and pre-war Soviet society gives access to. The basis for the preparation of the study was a set of unpublished sources from the funds of the Historical Archive of Omsk Oblast and the Archive of the Office of the FSB of Russia in Bryansk Oblast. These are Butrimovich’s biographical documents; materials on Butrimovich’s being on military and special records in the bodies of the Cheka-OGPU, depriving him of suffrage and restoring his voting rights; materials of the archival criminal case by the OGPU bodies on Butrimovich’s political prosecution. The connection between the general historiography of the topic and the issue under study is given. The anthropological approach and the biographical method, based on the genre of the publication, formed the theoretical basis of the study. Particular attention in the publication is paid to the study of Butrimovich’s professional activities. The biography presented to the reader is an example of success in a number of aspects of social adaptation to the conditions of the military revolutionary period of 1917–1920 and its consequences in Soviet Russia. According to the results of the study, the author states that, in relation to the considered case, the anthropological vision of the past focuses on understanding the history of mentality, military and political everyday life of the first third of the twentieth century. The work is addressed to a wide range of readers, including specialists who study military history, military anthropology, the Civil War in Russia, Soviet society, and Soviet repressive politics in the pre-war period.

REFERENCES

1. Skipina, I.V. (2003) *Chelovek v usloviyakh Grazhdanskoj vojny na Urale: istoriografiya problemy* [Man in the conditions of the Civil War in the Urals: the historiography of the problem]. Tyumen: Tyumen State University.
2. Tsvetkov, V.Zh. (2018) Osnovnye tendentsii i perspektivy izucheniya Belogo dvizheniya [The main tendencies and perspectives of the study of the White Movement]. In: Pavlov, D.B. (ed.) *Rossiya v gody Grazhdanskoj vojny, 1917–1922 gg.: ocherki istorii i istoriografii* [Russia during the Civil War, 1917–1922: essays on history and historiography]. Moscow; Saint Petersburg: Tsentr gumanit. Initsiativ. pp. 239–262.
3. Shishkin, V.I. (2010) Problemy sotsial'noy adaptatsii naseleniya Rossii: istoriograficheskie itogi i perspektivy izucheniya [Problems of social adaptation of the population of Russia: historiographic results and perspectives of study]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 4. pp. 69–73.
4. Anfert'ev, I.A. (2011) [New trends in modern Russian historiography. Military-historical anthropology: theoretical and interdisciplinary problems of the new branch of historical science]. *Teoriya i metodologiya gumanitarnogo znaniya. Rossiavedenie. Obshchestvennye funktsii gumanitarnykh nauk: Gumanitarnye chteniya RGGU – 2010* [Theory and methodology of humanitarian knowledge. Russian studies. Social functions of the humanities: Humanitarian Readings of the Russian State Humanitarian University–2010]. Conference Proceedings. Moscow. 26 March – 1 April 2010. Moscow: RSUH. pp. 319–328. (In Russian).
5. Bazhukov, V.I. (2008) Voennaya antropologiya: ob'ekt, predmet, napravleniya, metodologiya [Military anthropology: object, subject, directions, methodology]. *Vestnik voennogo universiteta*. 3. pp. 37–45.
6. Bazhukov, V.I. (2009) Filosofskie problemy voennoy antropologii [Philosophical problems of military anthropology]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya – Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*. 2. pp. 84–94.
7. Gazieva, L.L. (2014) Nekotorye metodologicheskie problemy voenno-istoricheskoy antropologii [Some methodological problems of military-historical anthropology]. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. 6. pp. 118–124.
8. Gladyshev, A.N. (2017) Antropologicheskij povorot v voennoy istorii [Anthropological turn in military history]. *Dialog so vremenem*. 59. pp. 136–150.
9. Kozhevin, V.L. (2010) Voyny Rossii XX stoletiya v istoriko-antropologicheskom izmerenii [20th century Wars of Russia in the historical and anthropological dimension]. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 2. pp. 9–13.
10. Razin'kov, M.E. (2012) *Belye, krasnye, interventy: psikhologiya vooruzhennogo protivostoyaniya: voenno-istoricheskaya antropologiya* [Whites, Reds, invaders: psychology of armed confrontation: military-historical anthropology]. Saarbrücken: Lap Lambert.
11. Senyavskaya, E.S. (2016) Voennaya antropologiya: opyt stanovleniya i razvitiya novoy nauchnoy otrasli [Military anthropology: the experience of the formation and development of the new branch of science]. *Vestnik Mininskogo universiteta*. 1–2. pp. 14–25.
12. Senyavskaya, E.S. (2018) Chelovek na vojne, ili ternisty put' ot voennoy istorii k voennoy antropologii [A person in war, or a thorny path from military history to military anthropology]. *Istoricheskij vestnik*. 24. pp. 10–43.
13. Churakova, O.V. (2016) Resursy voenno-istoricheskoy antropologii i issledovatel'skij diskurs istorii emotsiy [Resources of military-historical anthropology and research discourse of the history of emotions]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk*. 10 (2). pp. 134–138.
14. Kozhevin, V.L. (2011) *Rossiyskoe ofitserstvo i fevral'skij revolyutsionny vzryv* [Russian officers and the February revolutionary explosion]. Omsk: Omsk State University.
15. Ganin, A.V. (2019) *Russkij ofitser'skij korpus v gody Grazhdanskoj vojny. Protivostoyanie komandnykh kadrov. 1917–1922 gg.* [Russian officer corps during the Civil War. Confrontation between command personnel. 1917–1922]. Moscow: Tsentrpoligraf.
16. Alekseeva, O.A., Zhuravlev, E.N. & Sushko, A.V. (2018) Review of the Publication “White Officers – Red Power”: A Nominal Index to the Funds of the Historical Archive of the Omsk Region (Late 1919–1920s)”. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 2 (3). pp. 44–55. (In Russian).
17. Volkov, S.V. (2003) *Russkij ofitser'skij korpus* [Russian officer corps]. 2nd ed. Moscow: Tsentrpoligraf.
18. Abinyakin, R.M. (2013) Byvshie belye ofitsery v RKKA v 1920-e gody [Former White officers in the Red Army in the 1920s]. *Rossiyskaya istoriya*. 4. pp. 116–128.
19. Petin, D.I. & Konovalova, H.A. (2015) Byvshie belye ofitsery v zerkale massovykh dokumentov pervykh let sovet'skoy vlasti [Former White officers in the mirror of mass documents of the first years of Soviet power]. *Grazhdanskaya vojna na vostoke Rossii: ob'ektivnyy vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie* [Civil War in the east of Russia: an objective look through the documentary heritage]. Conference Proceedings. Omsk. 12–13 November 2014. Omsk: Amfora. pp. 125–131.
20. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R–78. List 2. File 39.
21. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R–217. List 3. File 30.
22. Simonov, D.G. (2015) Sotsial'naya mobil'nost' ofitser'skogo korpusa Russkoy armii vo vremya Pervoy mirovoy vojny [Social mobility of the officer corps of the Russian Army during the First World War]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 3. pp. 103–117.
23. Anon. (1904) *Bol'shaya entsiklopediya. Slovar' obshchedostupnykh svedeniy po vsem otraslyam znaniya* [Great Encyclopedia. Dictionary of publicly available information on all branches of knowledge]. Vol. 14. Saint Petersburg: Tip. Tovarishchestva “Prosveshchenie”.
24. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R–1376. List 1.
25. Anon. (1957) *Dekrety Sovetskoy vlasti* [Decrees of the Soviet government]. Vol. I. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.
26. Stel'mak, M.M. (2019) [On the repressive nature of the domestic policy of the Russian government of A.V. Kolchak]. *Aktual'nye problemy izucheniya istorii grazhdanskoj vojny v Rossii* [Topical issues of research on the history of the Civil War in Russia]. Conference Proceedings. Omsk. 15 November 2019. Omsk: Omsk Law Academy. pp. 134–146. (In Russian).
27. Kakurin, N.E. (1990) *Kak srazhalas' revolyutsiya* [How the revolution fought]. Vol. 2. 2nd ed. Moscow: Politizdat.
28. Lar'kov, N.S. (2017) *Sibirskiy belyy general* [A Siberian White General]. Tomsk: Tomsk State University.
29. Simonov, D.G. (2011) Vostochnyy front armiy admirala A.V. Kolchaka (iyun'–noyabr' 1919 g.) [The eastern front of the armies of Admiral A.V. Kolchak (June–November 1919)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 4. pp. 45–52.
30. *Sovetskaya Sibir'* (Omsk). (1919) Na krasnykh frontakh. Vostochnyy front [At the Red fronts. Eastern front]. 17 December. p. 1.
31. Petin, D.I. (2019) Evacuation from Omsk (1919): memoirs of the official of the Red Cross N.N. Volkov. *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*. 3 (4). pp. 63–84. (In Russian).
32. Vasilevskiy, V.P. & Sushko, A.V. (2017) “Strazhi revolyutsii”: organy GPU–OGPU v Omskom Priirtysh'e [“Guards of the revolution”: organs of the GPU–OGPU in the Omsk Irtysh region]. Omsk: Omsk State Technical University.
33. Sushko, A.V. (2018) From Revolutionary Legality to Revolutionary Expediency: Evolution of Relations the GPU–OGPU and Prosecutors During the New Economic Policy (on the Example of the Omsk Irtysh Region). *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 8 (1). pp. 70–81. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu24.2018.105
34. Smirnova, T.M. (2003) “Byvshie lyudi” Sovetskoy Rossii. Strategii vyzhivaniya i puti integratsii. 1917–1936 gody [“Former People” of Soviet Russia. Survival strategies and ways of integration. 1917–1936]. Moscow: Mir istorii.
35. Zhukova, N.S. & Petin, D.I. (2018) Voenny inzhener i pedagog general-mayor N.E. Varaksin (1862–1937) – sovremennik tragicheskogo veka [Military engineer and teacher Major General N.E. Varaksin (1862–1937) - a contemporary of the tragic age]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University. Series: Historical Studies*. 4. pp. 137–145.

36. Petin, D.I. & Kaminskiy, V.V. (2017) General-mayor Genshtaba N.N. Artamonov (1872–1937): biografiya skvoz' prizmu novykh istochnikov [Major General of the General Staff N.N. Artamonov (1872–1937): biography through the prism of new sources]. *Vestnik arkhivista*. 3. pp. 275–300.
37. Petin, D.I. (2020) Military Engineer and Educator Colonel Pavel Pavlovich Golyshev: Aspects of Biography and Performance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 65. pp. 35–41. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/65/5
38. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R–217. List 1. File 36.
39. Abinyakin, R.M. (2015) Izmenenie chislennosti byvshikh ofitserov sredi nachal'stvuyushchego sostava RKKA v 1920-e gody [Change in the number of former officers among the commanding staff of the Red Army in the 1920s]. *Voенно-istoricheskiy zhurnal – Military-Historical Journal*. 5. pp. 18–21.
40. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-1337. List 4. File 1.
41. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-270. List 2. File 16.
42. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-361. List 1. File 392.
43. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-950. List 2. File 6.
44. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-1396. List 3. File 2.
45. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-1519. List 1.
46. Kotovm, A.S. (2013) Sotsial'nyy sostav sovetsoy intelligentsii v 1920-e gg. (na primere Cherepovetskoй gubernii i Cherepovetskogo okruga) [The social composition of the Soviet intelligentsia in the 1920s (on the example of Cherepovets Province and Cherepovets Okrug)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 6. pp. 176–180.
47. Kilin, A.P. (2018) Avtobiografiya kak sredstvo reabilitatsii (na materialakh lichnykh del “lishentsev”) [Autobiography as a means of rehabilitation (based on the personal files of the “disenfranchised”)]. *Dialog so vremenem*. 63. pp. 267–288.
48. Salamatova, M.S. (2015) “Luchshe by rasstrelyali menya srazu...”: sud'by ofitserov belykh armiy v Sibirskom krae (1921–1929 gg.) [“It would have been better if they had shot me right away ...”: the fate of the officers of the White armies in the Siberian region (1921–1929)]. *Tyumenskiy istoricheskiy sbornik*. XVII. pp. 214–228.
49. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-235. List 7. File 5.
50. Historical Archive of Omsk Oblast (GIAOO). Fund R-257. List 2. File 33.
51. Archive of the Office of the FSB of Russia in Bryansk Oblast. Fund 7. File P-13408.
52. Tinchenko, Ya. (2000) *Golgofa russkogo ofitserstva v SSSR. 1930–1931 gody* [The Golgotha of Russian officers in the USSR. 1930–1931]. Moscow: Mosk. obshchestvennyy nauchnyy fond.
53. Ganin, A.V. (2014) Arkhivno-sledstvennoe delo voennogo uchenogo A.A. Svechina. 1931–1932 gg. [Archival investigation of the military scientist A.A. Svechin. 1931–1932]. *Vestnik arkhivista*. 2. pp. 260–272.
54. Ganin, A.V. (2014) Arkhivno-sledstvennoe delo voennogo uchenogo A.A. Svechina. 1931–1932 gg. [Archival investigation of the military scientist A.A. Svechin. 1931–1932]. *Vestnik arkhivista*. 3. pp. 261–291.
55. RSFSR. (1938) *Ugolovnyy kodeks RSFSR 1926 goda* [1926 Criminal Code of the RSFSR]. Moscow: Yurid. izd-vo NKYu SSSR.
56. Sushko, A.V. (2018) On Issue of Negative Impact of Modern Organizational and Pedagogical Conditions on Teaching of Russian History (Reflections on the First All-Russian Congress of History Teachers in Russian Universities). *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 1. pp. 76–81.
57. Kantor, Yu.Z. (2019) “The history cannot be rewritten, it can be added ...”. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost' – Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 4 (1). pp. 9–15. (In Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-1-9-15

Received: 01 August 2021